

Н. К. Никольский

**Кирилло-Белозерский монастырь и его
устройство**

До второй четверти XVII века (1397-1625). Том 1

УДК 7.01
ББК 85
Н11

Н11 **Н. К. Никольский**
Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство: До второй четверти XVII века (1397-1625). Том 1 / Н. К. Никольский –
М.: Книга по Требованию, 2013. – 514 с.

ISBN 978-5-518-06896-4

ISBN 978-5-518-06896-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВИРИЛЛО-БЪЛОЗЕРСКІЙ МОНАСТЫРЬ

И

ЕГО УСТРОЙСТВО

Вопросъ объ устройствѣ сѣверно-русскихъ общежительныхъ монастырей до Петровскаго времени принадлежитъ къ числу малоразъясненныхъ отдѣловъ современной исторіографіи. Между тѣмъ по своему значенію въ прошломъ церковной жизни и государственнаго быта онъ вдвойнѣ заслуживаетъ вниманія изслѣдователя.

Въ предѣлахъ Поволжья и Заволжья монастырскій строй складывался съ одной стороны подъ руководствомъ каноническихъ правилъ и святоотеческихъ твореній (или въ силу подражанія порядкамъ, заведеннымъ при указанномъ руководствѣ), съ другой стороны—подъ сильнымъ воздѣйствіемъ мѣстныхъ условій жизни. Послѣднія переносили на подробности монастырской организаціи тѣ самыя формы сѣверно-русскаго быта, которыя опредѣляли внѣшнее положеніе русской церкви въ Московскомъ государствѣ и составляли отличительное свойство ея государственности и юридически-общественныхъ отношеній. Такъ какъ вся древне-русская жизнь представляла собою одну тѣсно сплоченную семью бытовыхъ обнаруженій, то для историка русской церкви не можетъ не пріобрѣтать интереса общая совокупность типическихъ чертъ въ устройствѣ монастыря, начиная съ его внѣшности, владѣній, средствъ къ существованію и кончая составомъ и способами управленія, правилами иноческаго поведенія, богослужебною практикою и книжною дѣятельностію. Съ своей стороны, и историкъ русской жизни найдетъ внутри монастырской ограды не мало данныхъ, выясня-

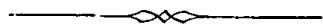
ющихъ мірской складъ бытовой обстановки древне-русского челоѣка, тѣмъ болѣе, что монастырскимъ обычаямъ подражали наши предки въ своей домашней и хозяйственной, а бытъможетъ и государственной жизни, и обители въ древности служили вмѣстѣ и религіозно-просвѣтительными центрами, и административно-юридическими единицами, вліявними на благосостояніе близъ лежащей страны.

Въ обширныхъ предѣлахъ западной части сѣвернаго Заволжья, смежной съ пятнами Великаго Новгорода, въ русскіе вѣка возрожденія руководящее значеніе при организациі монастырскаго быта принадлежало знаменитой Кирилло-Бѣлозерской обители. Этому отростку Московскаго Симонова монастыря, не чуждому вліянія пресв. Сергія, суждено было направить удалявшихся изъ міра подвижниковъ на новые пути ихъ вселеній, послужить началомъ и образцемъ для цѣлаго ряда общинъ и скитовъ, вліять на ходъ не только областной, но и средне-русской церковно-общественной жизни, становиться въ положеніе участника случайныхъ, но крупныхъ событій, и въ то же время неизмѣнно являться источникомъ просвѣщенія. Отношеніе Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря къ окрестному монашеству и краю было отношеніемъ города къ пригородамъ, которые не только тянули къ нему въ силу финансовой и юридической зависимости, но и подчинялись ему, какъ законодателю въ области духовно-культурной. Помимо этого, въ средѣ Кирилловскихъ иноковъ возбужденъ въ XV вѣкѣ и самый вопросъ о возможности и цѣлесообразности монашескихъ общежитій примѣнительно къ сѣверно-русскимъ условіямъ жизни, рѣшеніе котораго не замедлило отозваться на бытовомъ положеніи иночества въ предѣлахъ Московскаго государства. Если въ поступательномъ движеніи русскихъ монастырей отъ Чернаго къ Бѣлому морю Кирилло-Бѣлозерское общежитіе было третьимъ выдающимся средоточіемъ (послѣ Кіево-Печерскаго и Троицко-Сергіева), то этому историко-географическому его положенію ничуть не уступало и его дѣйствительное значеніе въ XV и XVI столѣтіяхъ.

Указанными сторонами объясняется, почему авторъ въ настоящемъ трудѣ рѣшился подвергнуть разсмотрѣнію, какимъ образомъ изъ небольшой землянки преп. Кирилла выросла и обстроилась одна изъ обширнѣйшихъ обителей Заволжскаго края, какъ расширялись ея владѣнія и улучшалось хозяйство, какое при этомъ она имѣла управленіе, какіе учрежденны были въ ней порядки монашеской жизни, какъ отправлялось въ ней богослуженіе и въ чемъ выражались умственные и духовные интересы братства. Намѣченныя черты составляли главныя и крѣпко-связанныя между собою звенья, отъ которыхъ зависѣлъ и посреди которыхъ вырабатывался внѣшній и внутренній строй древне-русской обители. — Такъ какъ послѣдовательный ростъ въ организаци Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, начавшійся въ концѣ XIV вѣка, закончился въ первой четверти XVII столѣтія, то настоящій очеркъ обнимаетъ періодъ времени съ основанія монастыря до второй четверти XVII-го вѣка.

При выполненіи поставленныхъ задачъ на изслѣдованіи не могла не отразиться судьба матеріала, которымъ надлежало бы располагать монастырскому историку. Множество цѣнныхъ рукописей и архивныхъ бумагъ оказались уже утраченными или сильно разрозненными. Другая половина ихъ, оставаясь совсѣмъ необслѣдованной, для критической оцѣнки требуетъ не единоличныхъ силъ. Авторъ неизбежно долженъ былъ обходить молчаніемъ не мало фактовъ и, не желая дѣлать свое изслѣдованіе какъ бы цѣпью догадокъ и выводовъ, построенныхъ на неизданныхъ и малодоступныхъ матеріалахъ, вынужденъ былъ прибѣгнуть къ фактически — описательному изложенію, обставить свой трудъ изысканіями по отдѣльнымъ вопросамъ и обнародовать не разработанные еще документы. Отъ подобнаго метода многіе пункты естественно покажутся здѣсь при слабomъ освѣщеніи. Но цѣль настоящаго труда будетъ достигнута и тогда, если онъ послужитъ начальнымъ шагомъ къ всесторонней исторіи знаменитой лавры преп. Кирилла или будетъ однимъ изъ первыхъ ея описаній . . . .

И при собираніи, и при разработкѣ упомянутыхъ матеріаловъ, появляющихся на страницахъ настоящаго „описанія“, авторъ во многомъ обязанъ лицамъ, содѣйствовавшимъ его предпріятію. Съ чувствомъ горячей благодарности вспоминаетъ онъ тѣ совѣты и указанія, какіе получилъ въ студенческіе годы и позже отъ протоіерея Павла Θεодоровича Николаевскаго, направившаго его занятія на изученіе исторіи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря по рукописямъ библіотеки С.-Петербургской Духовной Академіи. При изысканіяхъ въ этомъ рукописномъ книгохранилищѣ, большое содѣйствіе автору оказалъ А. С. Родосскій. Весьма цѣнные документы, принадлежащіе Кирилло-Бѣлозерскому монастырю, Императорскому Обществу Любителей Древней Письменности и Императорской Публичной Библіотекѣ, не могли бы появиться въ предлагаемомъ изслѣдованіи, если бы задачи его не встрѣтили просвѣщеннаго сочувствія со стороны Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнѣйшаго Θεогноста, Архіепископа Новгородскаго и Старорусскаго, Его Сіятельства Графа Сергія Димитріевича Шереметева и Его Высокопревосходительства Лоанасія Θεодоровича Бычкова. Многія сообщенія и матеріалы получилъ авторъ отъ А. П. Барсукова, И. А. Бычкова, А. М. Бѣлова, П. А. Гильтебрандта, Н. П. Лихачева, Х. М. Лопарева, А. Н. Львова, А. Г. Лященки, Л. Н. Майкова, В. В. Майкова, В. В. Стасова, Н. В. Султанова, Н. П. Успенскаго и другихъ лицъ, за что и приносить имъ свою искреннюю и глубокую признательность.

ГЛАВА I.

Объ основаніи и строеніяхъ монастыря.

I. При устройствѣ монастырей на сѣверномъ Заволжьѣ въ древности принимали участіе двѣ главныхъ струи пришлаго русскаго народонаселенія: западная (новгородская) и южная (ростовско-московская) ¹⁾. Обѣ онѣ внесли въ это дѣло свои культурно-бытовыя особенности и дали начало двоякому типу нашихъ сѣверныхъ обитателей: новгородскому и московскому.

Новгородцы, которые издревле имѣли сношенія съ заволоцкою Чудью ²⁾, были первыми (изъ русскихъ) и упорными

---

¹⁾ Последнюю для краткости будемъ называть «московскою» (въ виду первенствующаго значенія Москвы въ исторіи сѣвернаго иночества).

²⁾ Соображенія объ отношеніяхъ новгородцевъ къ заволоцкой Чудю въ полунсторическую эпоху до XII вѣка (находящіяся въ наследованіяхъ: *Н. И. Костомарова*, Сѣверно-русс. народопр., т. I, СПб., 1863, стр. 397—419; *И. Д. Блѣева*, Разказы изъ русск. ист., т. II, Ист. Новгорода, изд. 2, стр. 37—40; *С. Ѳ. Огородникова*, Очеркъ исторіи города Архангельска въ торгово-промышленномъ отношеніи, СПб. 1890, стр. 5 и друг.; въ изданіи: *Лѣтопись Двинская*, М., 1889, предисловіе, стр. V и слѣд.; въ статьѣ: Христіанство въ предѣлахъ архангельской епархіи, Чт. О. И. и Др. Росс. 1878, III, стр. 1 и слѣд. и мног. др.) ведутъ свое начало главнымъ образомъ отъ трудовъ по исторіи сѣвернаго края, относящихся къ прошлому вѣку (какъ то: «Лѣтопись Двинская», см. е. с.; «Исторія російская» *В. Н. Татищева*; «Начертаніе исторіи города Холмогоръ» *В. Крестинина*, СПб. 1790; его же: «Историческіе начатки о двинскомъ народѣ», СПб. 1784; *Ал. Засыкаго*, Историческія и топографическія извѣстія по древности о Россіи и частно о Вологдѣ и его уѣздѣ, М. 1780 и т. п.) и, хотя опираются часто не столько на фактическія извѣстія, сколько на теорію вѣроятностей, но имѣютъ нѣкоторое подтвержденіе для себя въ показаніяхъ лѣтописей и въ другихъ источникахъ XIV—XV вѣковъ (см. напр.

колонизаторами сѣвернаго края, заселеннаго прежде финскими племенами ¹⁾. Если бы вѣрить позднѣйшимъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, то въ первой половинѣ XI вѣка (1032) новгородцы уже предпринимали походы на «железные ворота» (подъ которыми Татищевъ разумѣлъ Уральскій хребетъ), а въ 1133 году коренное население Заволочья платило новгородцамъ дань ²⁾. Въ томъ же столѣтіи и ранѣе на сѣверѣ и сѣверовостокѣ существовали города, которые, безъ сомнѣнія, возникли изъ колоній новгородскихъ выходцевъ ³⁾. Наконецъ, подвиги «ушкуйниковъ» въ XIII и XIV в. и неудавшаяся попытка московскаго правительства (1397—1398) завладѣть Заволочьемъ ⁴⁾ поддерживали притокъ къ сѣверу новгородскихъ поселенцевъ ⁵⁾. Но такъ какъ въ Новгородѣ общественно-вѣчевая жизнь, послѣ принятія христіанства, очень тѣсно примкнула къ церковной, и владыка получилъ здѣсь высшее земское значеніе, то понятно, что предпріятія жителей вольнаго города на сѣверѣ, сопровождавшіяся благословеніями у храма св. Софіи и обѣщаніями ему десятины, очень рано могли получать религіозно-миссіонерскій характеръ. Естественно предполагать, что параллельно съ заволочьскими сношеніями новгородцевъ еще въ отдаленную эпоху полагалось начало первымъ монастырскимъ поселеніямъ на сѣверѣ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ началѣ XII вѣка, когда новгородцы составляли въ разныхъ пунктахъ сѣвера осѣдлое

Н. М. Карамзина, Истор. госуд. росс., кн. I, т. II, СПб. 1842, прим. 64 къ тому II, главѣ 2-ой, стр. 28). Сравни слѣдующія примѣчанія и А. Э., т. I, № 1, № 2, № 3, стр. 1—2, № 6, стр. 3; № 13, стр. 8 и друг.; *Огородниковъ*, о. с., стр. 9, прим. 11; *Д. Корсаковъ*, Меря и ростовское княжество, Казань, 1872, стр. 47—48, 49—53 и друг.

¹⁾ *И. П. Барсовъ*, Очерки русской исторической географіи, Варшава, 1873, стр. 14, 38 и слѣд., стр. 167 и слѣд.

²⁾ См. «Лѣтопись Двинскую», изд. 1889, стр. VI.

³⁾ Напр. Бѣлоозеро (см. *И. П. Барсова*, Очерки русск. истор. геогр., о. с., стр. 170), Вологда (*А. Застыкаго*, о. с., М. 1780; С. Г., Гр. и Дог., т. I, № 1), и друг. Сравни статьи *А. С. Вершинина*, въ Трудахъ VII археол. съѣзда въ Ярославлѣ, т. I, М. 1890, стр. 104 и слѣд.—Родство русскаго сѣвернаго населенія съ новгородцами подтверждается и діалектологіею (см. *А. И. Соболевскій*, Лекціи по исторіи русскаго языка. Кіевъ, 1888, стр. 33—37 и статьи его же, *Мельничаго и Герасимова*), въ Живой Старинѣ, 1893—94 г.

⁴⁾ Лѣтопись Двинская, изд. 1889, стр. 6.—П. С. Р. Л., III, 99.

⁵⁾ П. С. Р. Л., III, 99.

населеніе, новгородскій владыка (по уставу Святослава Ольговича, 1137 года) получалъ съ сѣвернаго Заволжья церковныя доходы ¹⁾. Къ концу же XV вѣка, когда бѣломорское побережье уже подпало подъ власть Москвы, полоса новгородскихъ монастырей на сѣверѣ раскинулась очень широко. На сѣверо-западѣ она шла по системѣ Онежскаго озера; на востокъ и сѣверо-востокъ отъ Новгорода она простиралась по Шекснѣ, къ Бѣлому озеру и сѣвернѣе его, по системѣ Кубенскаго озера, по рѣкамъ: Вологдѣ, Сухонѣ, Сѣверной Двинѣ, по побережью Бѣлаго моря, гранича съ мѣстонахожденіемъ югорскаго народа.

Но этой обширной площади новгородскихъ монастырскихъ колоній не соотвѣтствовала устойчивость ихъ существованія. Во время новгородскаго владычества они оставались обыкновенно ничтожными «малыми монастырьками», какъ ихъ называли еще въ XVI вѣкѣ ²⁾. Это зависѣло не только отъ условій географическихъ, но и отъ характера отношеній Новгорода къ своему сѣверу и отъ внутренняго устройства самихъ монастырей.

Изъ всѣхъ областей нашей сѣверной окраины только мѣстность системы Онежскаго озера вошла въ составъ новгородскихъ владѣній, какъ одна нераздѣльная, равноправная часть ихъ. Другія же земли, хотя новгородцами въ договорныхъ грамотахъ и признавались за свои «волости», находились подъ новгородскимъ протекторатомъ, который выражался въ посылкѣ вооруженныхъ отрядовъ для сбора дани. Такъ югорцы, напр., оставались сами по себѣ подъ управленіемъ своихъ князей, и новгородскаго управленія среди нихъ не было ³⁾. Менѣе отдаленныя сѣверныя мѣстности, напр. двинскій край, имѣли у себя новгородскихъ тысящниковыхъ и посадниковыхъ бояръ,

---

¹⁾ Русскія Достопамятности, ч. I, М. 1815, стр. 82—85; *М. Владимірскай-Будановъ*, Христоматія по исторіи русскаго права, изд. 2, Кіевъ, вын. I, стр. 239—240.

²⁾ *Превосв. Макарій*, Исторія русской церкви, СПб 1866, IV, стр. 210, 361. П. С. Р. Л., VI, 284.

³⁾ *А. Оксеновъ*, Полит. отношенія моск. госуд. къ югорской землѣ, Ж. М. Нар. Просв., 1891, т. 273, стр. 247 и слѣд.

которые жили по разнымъ волостямъ намѣстниками, по цѣль этого управленія, какъ замѣтилъ и лѣтописецъ, состояла опять въ надзорѣ за платежемъ «даней и оброковъ» ¹⁾. Такимъ образомъ въ основѣ отношеній промышленнаго города къ Заволочью лежала жажда къ выгодѣ, къ барышамъ ²⁾. Поэтому то на новгородскомъ сѣверѣ большинство земель были черными, т. е. тяглыми, и общинными (съ которыхъ платежи закрѣплялись взаимною порукою всѣхъ отдѣльныхъ членовъ общины) и остались такими до поздняго времени московскаго владычества. Вѣче, какъ толпа, какъ правительство народное по своему составу, было слишкомъ чуткимъ къ денежной выгодѣ и не любило выдавать льготныхъ грамотъ своимъ выходцамъ-колонизаторамъ ³⁾. Служилыхъ земель на новгородскомъ сѣверѣ было немного ⁴⁾ даже въ болѣе позднее время.

Монастыри не получили въ этомъ дѣлѣ исключеній. Наоборотъ, ради тѣхъ же выгодъ Новгородъ гражданскій очень часто превышалъ свою власть надъ Новгородомъ церковнымъ (въ древне-русскомъ значеніи слова) и пытался отнимать доходы

---

¹⁾ Лѣтопись Двинская, изд. 1889, стр. 3.—Двинскій край былъ раздѣленъ на погосты (П. С. Р. Л. III, 81).

²⁾ Походы новгородцевъ на сѣверъ обыкновенно сопровождались сборомъ дани или окупа (Новг. I, П. С. Р. Л. III, 99; П. С. Р. Л. VIII, 71 и т. п.; см. также П. С. Р. Л. VIII, 51).—Послѣ похода Димитрія Донскаго на Новгородъ (въ 6894—1386 году), новгородцы должны были выплатить ему 8000 рублей. 3000 рублей они взяли съ полатей у святые Софѣи, а 5000 рублей «докончали великому князю на Заволоческой земли» (П. С. Р. Л. т. VIII, 51). См. также: *А. Никитскаго*, Очеркъ внутренней исторіи Пскова, СПб. 1873, стр. 66—67.

³⁾ Извѣстныя нынѣ жалованныя новгородскія грамоты очень скупы на льготы (см. напр. грамоту въ А. И., т. I, № 17, стр. 26). Грамоты посадниковъ монастырямъ иногда принадлежали, повидимому, къ частно владѣльческимъ актамъ (А. Юр. № 110, VI, стр. 145 и т. п.—Сравни. *Н. Костомаровъ*, Сѣверно-русс. народоправства, СПб. 1863, II, 379). Между жалованными грамотами, отобранными у монастырей и хранящимися въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, очень немного льготныхъ новгородскихъ (См. также. *Мейчикъ*, Грамоты XIV и XV в. Моск. Арх. Мин. Юст., М. 1883, стр. 11; А. Э. I, № 4, стр. 2; *Владимирскій-Будановъ*, о. с., вып. I, стр. 115—116; *Е. В. Барсовъ*, Палеостровъ и его судьба и значеніе въ обонежскомъ краѣ, Чт. О. И. и Др. Росс. 1868, I, 23; Изв. Имп. Ак. Н., т. VIII, вып. V).

⁴⁾ Русск. Истор. Библ., изд. археогр. комм., т. XII, СПб. 1890, стр. V.